

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ПОМОЩЬЮ «ИНДЕКСА НЕСТАБИЛЬНОСТИ»*

С. Ю. Малков, Л. М. Исаев, Е. В. Кузьминова

Страны Центрально-Азиатского региона (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) переживают непростой период своей истории (Акаева и др. 2013). Аналитики нередко включают их в «Евразийскую дугу нестабильности» (Бжезинский 1998). Оценки текущего состояния и прогноз развития политической ситуации в странах Центральноазиатского региона (ЦАР) является сложной задачей, что связано с многообразием факторов, влияющих на социальную нестабильность, с индивидуальными особенностями развития историко-культурных, социально-экономических, политических процессов в странах ЦАР. Кроме того, сложность связана и с тем, что различные эксперты, делающие прогноз возможной динамики нестабильности, зачастую очень по-разному оценивают значимость различных факторов. Поэтому экспертные оценки часто дают противоречащие выводы, имеющие к тому же качественный характер.

В этой связи важной и актуальной задачей является выделение общих закономерностей возникновения социальной нестабильности и создание методики оценки *количественных* показателей, характеризующих уровень текущей нестабильности и перспектив ее дальнейшего развития в странах ЦАР. Данная задача была сформулирована в предыдущем выпуске «мониторинга» (Малков, Кузьминова 2013). В работах (Малков, Кузьминова 2013; Малков и др.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г. при поддержке РГНФ (проект № 14-02-00330).

2013; Issaev *et al.* 2013; Korotayev *et al.* 2014) приведены результаты исследований по формированию специализированного индекса, предназначенного для оценки потенциала социально-политической нестабильности и откалиброванного на основе анализа событий «арабской весны» 2011 г. Следуя этим работам, изложим суть используемого методического подхода.

Методика оценки потенциала социально-политической нестабильности

Эмпирическому и теоретическому исследованию факторов социальной нестабильности посвящено огромное количество исследований (см., например: Гринин 2010; Исаев, Шишкина 2012*a*, 2012*b*; Назаретян 2003; Коротаев и др. 2011; Коротаев и др. 2012; Davies 1969; Goldstone 1991, 2001; Goldstone *et al.* 2003; Goodwin 2001; Moller 1968; Roehner *et al.* 2004), в которых проводился анализ событий, происходивших в различных странах в различное время. К важнейшим факторам нестабильности в этих работах относят:

- 1) наличие межэтнических, межконфессиональных, межклановых, внутриэлитных противоречий и конфликтов;
- 2) неустойчивость политического режима;
- 3) неравномерность распределения социально-экономических и социально-политических благ;
- 4) высокий уровень бедности;
- 5) наличие «горючего материала» (например, «молодежный бунт»);
- 6) чрезмерную коррумпированность власти;
- 7) наличие привлекательной альтернативы существующему политическому режиму и другие.

При этом основные механизмы и значимые факторы возникновения социальной нестабильности зависят от типа страны, конкретной исторической и социально-политической ситуации.

Нас интересуют *трансформирующиеся (модернизирующиеся) страны переходного типа с достаточно сильными клановыми традициями* (к таковым относятся как страны ЦАР, так и большинство стран Ближнего Востока и Северной Африки, в которых разворачивались события «арабской весны» 2011 г. [Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Коротаев и др. 2013; Акаева и др. 2013]). К важнейшим факторам в нашем случае относятся:

- 1) наличие межэтнических, межконфессиональных, межклановых, внутриэлитных противоречий и конфликтов;
- 2) неустойчивость политического режима;
- 3) неравномерность распределения социально-экономических и социально-политических благ;
- 4) высокий уровень бедности;
- 5) наличие структурно-демографических рисков (например, «молодежный бугор»);
- 6) чрезмерная коррумпированность власти;
- 7) наличие привлекательной альтернативы существующему политическому режиму и другие;
- 8) наличие «шока» – спускового крючка дестабилизации, действующего на широкие слои общества, – вкуче с «эффектом домино».

Поясним суть изложенных факторов более подробно.

а) Переходный характер политического режима. Потребности экономической модернизации общества с необходимостью требуют определенных политических изменений, отхода от сложившихся в предыдущий период способов управления. Формирующаяся политическая структура с неизбежностью носит переходный характер. Это, во-первых, негативным образом отражается на политическом процессе в стране. В частности, характерны такие явления, как слом традиций, низкая легитимизация власти, неустойчивость ее целей, непоследовательность действий, неотработанность политических процедур (в том числе слабый контроль над армией, полицией и другими силовыми ведомствами), популизм, завышенные обещания властей и завышенные ожидания в обществе. Кроме того, переходный политический режим, как правило, сопровождается снижением финансовых возможностей властей и повышением зависимости от внешних акторов. Все это расшатывает социально-политическую ситуацию в стране и ставит власти в уязвимое положение.

б) Наличие внутренней конфликтности. Процессы экономической модернизации влекут за собой трансформацию социальной структуры общества, изменение роли и места в общественной жизни различных социальных слоев и групп. При этом эффективность старых (основанных на предшествующем социальном опыте) механизмов сдержек и противовесов снижается, а новые механиз-

мы еще не выработаны. Это приводит к усилению внутривнутриполитической борьбы и обострению латентных межэтнических/межконфессиональных/межклановых/внутриэлитных конфликтов. Неустойчивость общества тем выше, чем оно изначально более разнородно (в этническом, конфессиональном, социальном, политическом аспектах) и чем больше в нем застарелых нерешенных проблем.

в) *Наличие демографического «молодежного бугра».* Для того, чтобы внутренние напряжения модернизирующегося общества перешли в открытые формы протеста и массовые волнения, необходим «горючий материал», то есть социальные слои, готовые к активным действиям. Наиболее легкой на подъем является молодежь. В модернизирующихся обществах ситуация усугубляется тем, что экономический подъем, как правило, приводит к появлению так называемого «молодежного бугра», то есть к временному увеличению доли молодежи в населении страны. Основная идея заключается в том, что в модернизирующихся странах типичным является демографический взрыв, обусловленный снижением младенческой смертности (в результате использования достижений современной медицины) при сохранении в течение определенного периода времени традиционной модели многодетной семьи. Избыточное молодое поколение, не имея возможности найти работу в сельской местности, мигрирует в города, где в условиях массовой безработицы становится социальной базой для радикальных партий и экстремистских организаций. Результатом этого является рост внутривнутриполитической нестабильности, которая может вылиться в массовые волнения, вооруженные столкновения и гражданские войны (и это несмотря на общий рост ВВП на душу населения).

г) *Кризис неоправдавшихся ожиданий от модернизации.* Данный фактор является субъективным (психологическим), но, несмотря на это, очень важным. Суть в том, что модернизация, как правило, порождает завышенные ожидания в обществе, которые подогреваются обещаниями правительства (последнее идет на завышенные обещания, чтобы обеспечить себе поддержку общества). Однако рано или поздно после периода стабильного роста качества жизни в стране происходит его снижение, что способно привести к эмоциональному срыву, возбудить недовольство в обществе,

спровоцировать массовые беспорядки. Причем чем выше были экономические успехи страны, тем более высока вероятность возникновения сильной фрустрации в случае рецессии или спада в условиях кризиса. Чем выше возможности, тем выше ожидания, но тем больше и разочарование в случае неудовлетворения правительством этих ожиданий (Davies 1969).

д) *Наличие привлекательной альтернативы.* Вероятность того, что разочарование от неоправдавшихся ожиданий приведет к социально-политической дестабилизации общества, усиливается в том случае, если в стране существуют силы, активно предлагающие более привлекательную альтернативу развития страны. Причем эта альтернатива может быть мнимой или даже заведомо ложной, но в период фрустрации и разочарования у нее есть реальный шанс привлечь к себе внимание, сформировать протестное движение и расшатать существующий режим.

е) *Наличие «шока».* Рассмотренные выше предпосылки и факторы нестабильности носят долгосрочный либо среднесрочный характер и создают почву для недовольства населения положением дел. Однако для того, чтобы это латентное недовольство переросло в активные действия, необходим иницирующий толчок. Причем этот толчок должен охватывать максимально широкие слои общества, чтобы реакция на него была не локальной, а всеобщей, что резко уменьшает возможности правительства контролировать ситуацию. Роль такого толчка могут играть экономические «шоки», например резкое и быстрое увеличение мировых цен на продовольствие (как это было во время «арабской весны» 2011 г.), существенным образом ухудшающее материальное положение широких слоев граждан. При этом спусковым крючком перехода к активным антиправительственным действиям служат социальные «шоки»: разгоны мирных демонстраций, репрессии в отношении лидеров оппозиции и т. п.

ж) *«Эффект домино».* Для того чтобы спусковой крючок дестабилизации сработал максимально эффективно, необходима реализация «эффекта домино», ведущего к убыстряющемуся нарастанию масштабов нестабильности, распространению ее на новые социальные слои и новые территории. Вследствие «эффекта домино» социальная нестабильность может выйти за пределы одного госу-

дарства и импортироваться в соседние страны (как это было во время «арабской весны» 2011 г.); однако это возможно лишь в региональных системах с относительно однородными предпосылками к нестабильности.

Кроме указанных общих предпосылок и факторов социальной нестабильности всегда существуют локальные факторы, отражающие особенности конкретной ситуации. К ним относятся:

– *внешнее влияние* (данный фактор становится существенным, если имеются достаточно серьезные внешние силы, способные оказывать влияние на события внутри страны. Причем это влияние может быть направлено как на усиление, так и на ослабление социальной нестабильности);

– *исторический иммунитет* (данный фактор появляется в странах, прошедших через гражданские войны и смуты, и связан с «выгоранием» горючего материала социальных волнений: гибелью активистов оппозиции, разочарованием в революционном движении, политической апатией, стремлением к стабильности и т. п.);

– *культурные, исторические, социально-психологические и др. особенности* (данный фактор отражает специфику реакции конкретного общества на дестабилизирующие воздействия: общества, относящиеся к разным культурам, могут по-разному вести себя при схожих обстоятельствах).

В работах (Малков, Кузьминова 2013; Малков и др. 2013; Issaev *et al.* 2013; Korotayev *et al.* 2014) был предложен специализированный индекс нестабильности, учитывающий совокупное влияние рассмотренных выше факторов и отражающий общий *потенциал нестабильности*. Рассматривался именно *потенциал*, то есть объективная возможность возникновения социальной нестабильности определенного масштаба (поскольку субъективные и конъюнктурные факторы привязаны к конкретной ситуации, то они должны рассматриваться отдельным образом в ходе оценки *вероятности* возникновения протестных акций). Для оценки масштаба событий введена балльная шкала (Табл. 1):

Табл. 1. Шкала оценки масштаба событий

Содержание событий	Масштаб событий в баллах
Отдельные протестные акции	менее 1
Несколько заметных антиправительственных выступлений	1
Многочисленные антиправительственные выступления	2
Многочисленные и длительные антиправительственные выступления с отдельными силовыми стычками	3
Мощные антиправительственные выступления с кровопролитными столкновениями, расшатавшие власть (силы восставших сопоставимы с силами правительства)	4
Гражданская война (примерное равенство сил)	5
Успешная революция (перевес восставших)	6

Поскольку индекс должен отражать накопленный в обществе потенциал нестабильности, то в нем учтены объективно существующие предпосылки неустойчивости (социальные, демографические, политические), а также такая важная характеристика, как *исторический иммунитет*, оказывающий демпфирующее действие. В соответствии с этим индекс нестабильности представлен в виде мультипликативной свертки показателей, отражающих:

- конфликтность в обществе (показатель I_1);
- наличие «горючего материала» эскалации конфликтности (показатель I_2);
- способность правительства снижать социальную напряженность (показатель I_3);
- иммунитет общества к внутренним конфликтам (показатель I_4).

Соответственно, индекс нестабильности I_{UNST} имеет вид:

$$I_{UNST} = I_1^{\beta_1} * I_2^{\beta_2} * I_3^{\beta_3} * I_4^{\beta_4}, \quad (1)$$

где показатели степени β_i отражают относительную значимость соответствующих факторов и определяются путем калибровки индекса по реально происходившим событиям.

Чтобы предложенный выше индекс можно было использовать в качестве инструмента оценки уровня социальной нестабильности, была проведена его калибровка на основе анализа событий «арабской весны» 2011 г. Отработка индекса дала следующие результаты.

Выбор и количественная оценка показателей

а) Показатель конфликтности I_1 .

Из перечисленных в начале раздела факторов нестабильности к конфликтным относятся следующие:

- наличие межэтнических/межконфессиональных/межклановых/внутриэлитных противоречий и конфликтов;
- неравномерность распределения социально-экономических и социально-политических благ;
- высокий уровень бедности;
- чрезмерная коррумпированность власти.

Из этого списка были исключены два последних фактора. Это связано с тем, что, несмотря на распространенное мнение об их важной роли в возникновении «арабской весны», по результатам количественного анализа эти показатели оказались статистически незначимыми.

Следует отметить, что оставшиеся два фактора являются комплексными и трудно поддающимися строгой количественной оценке на основе имеющихся статистических данных. Поэтому для их оценки целесообразно проводить экспертный мониторинг общего состояния в социально-культурной и экономико-политических областях с точки зрения наличия скрытых или явных противоречий. Затем на основе проведенного эмпирического анализа необходимо оценить данные показатели в соответствии с введенной относительной балльной шкалой (Табл. 2):

Табл. 2. Шкала потенциала конфликтности (показатель I_1)

Масштаб конфликтного потенциала	Значение показателя в баллах
Конфликтный потенциал ниже среднего	1
Средний	2
Выше среднего	3
Высокий	4
Очень высокий	5

б) Показатель наличия «горючего материала» эскалации конфликтности I_2 .

В качестве «горючего материала» социальной нестабильности, как правило, выступают обездоленные социальные слои, причем наиболее часто активна в протестных движениях молодежь. Поскольку возможность социальной агрессии в общем виде учтена нами в предыдущем пункте (противоречия в экономико-политических и социально-культурной сферах в большинстве случаев являются результатом наличия значимой прослойки населения, недовольного существующим положением), в данном показателе целесообразно отразить потенциал непосредственно молодежного фактора как «горючего материала» эскалации конфликтности.

В связи с тем, что страны ЦАР относятся к модернизирующимся, им, как и странам Ближнего Востока, в большинстве свойственен феномен «молодежного бугра» (так называемая «ловушка на выходе из мальтузианской ловушки» [Коротаев, Зинькина 2010; Гринин, Коротаев 2012; Коротаев, Гринин и др. 2011; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев 2012; Коротаев, Малков 2014; Goldstone 1991; Korotayev, Zinkina 2011; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev 2014]). Соответственно, в оценке «горючего материала» целесообразно исходить из тех данных, которые указывают на влияние «молодежного бугра» на общий уровень нестабильности. Отдельно следует оценивать показатели безработицы среди молодежи, доли безработной молодежи в общем составе взрослого населения и доли безработных с высшим образованием среди молодежи. По опыту арабских революций можно утверждать, что их совокупность представляет собой тот «коэффициент», который указывает на относительно сниженное или относительно повышенное негативное воздействие «молодежного бугра» на общий уровень стабильности в стране. Балльная шкала для оценки показателя I_2 представлена в Табл. 3.

Табл. 3. Шкала оценки показателя I_2

Значение показателя в баллах	Безработица среди молодежи (20–29), % (оценки экспертов)	Доля безработной молодежи (20–29) в общем составе взрослого населения, %	Доля безработных с высшим образованием среди молодежи
слабое («1»)	0–3	0–2	Качественная оценка
среднее («2»)	3–7	2–5	
выше среднего («3»)	7–15	5–7	
высокое («4»)	15–30	7–10	
очень высокое («5»)	30–45	10–15	

в) Показатель способности правительства снизить социальную напряженность I_3 .

В работах (Цирель 2012: 134; Goldstone *et al.* 2003) и др. делается вывод, что данный показатель существенным образом зависит от политического строя. При этом, как показывает анализ исторических событий, наиболее устойчивыми являются либо либеральные демократии в чистой форме (ввиду наличия у них действенных институциональных рычагов снятия социальной напряженности), либо абсолютные монархии и автократии (ввиду наличия у них рычага прямого воздействия на социальную среду – авторитет монарха, авторитарного лидера, страх репрессий). Наименее же устойчивыми являются промежуточные режимы, что лишний раз подтверждает выдвинутую нами гипотезу относительно модернизирующихся стран. На этой основе была создана балльная шкала оценки, представленная ниже.

Табл. 4. Шкала оценки показателя I_3

Политический строй	Степень неустойчивости (по возрастанию)
Консолидированные либеральные демократии / Абсолютные монархии	1
Неконсолидированные либеральные демократии / Переходные формы правления (от абсолютной монархии к конституционной)	2
Конституционные монархии	3
Автократии или авторитарные правления	4
Имитационные демократии	5

з) Показатель иммунитета общества к внутренним конфликтам I_4 .

Данный фактор появляется в странах, прошедших через гражданские войны и смуты, и связан с «выгоранием» горючего материала социальных волнений. Этот показатель связан с социально-психологическими факторами, и его сложно «привязать» к каким-либо статистическим количественным данным. Вследствие этого предлагается оценивать его экспертным образом. Принятая шкала оценки имеет вид, представленный в Табл. 5.

Табл. 5. Шкала оценки степени иммунитета (показатель I_4)

Степень иммунитета общества к внутренним конфликтам	Значение показателя в баллах
Почти абсолютный иммунитет	0,1
Сильный иммунитет	0,3
Средний иммунитет	0,5
Слабый иммунитет	0,8
Иммунитет отсутствует	1,0

Калибровка индекса нестабильности

Индекс (1) был откалиброван на основе анализа событий «арабской весны» 2011 г. Предметом калибровки является выбор показателей степени β_i и соотнесение значения индекса с масштабом событий в следующих странах: Тунис, Египет, Ливия, Йемен, Сирия, Бах-

рейн, Алжир, Марокко, Ирак, Иордания, Саудовская Аравия, Оман. По результатам калибровки индекс принял вид:

$$I_{UNST} = I_1^{0,7} * I_2 * I_3^{1,5} * I_4. \quad (2)$$

Следует отметить, что при расчете учитывался еще один важный дополнительный фактор, а именно внешнее влияние. Отсутствие внешнего воздействия рассматривалось в качестве «1», в случае наличия воздействия к единице прибавлялась или отнималась (в зависимости от направленности воздействия) десятая доля единицы в соответствии со шкалой:

- 0,1 – несовместное искаженное информационное освещение;
- 0,2 – несовместное искаженное информационное освещение, предполагаемое финансирование оппозиционных сил «со стороны», призыв уйти в отставку;
- 0,3 – искаженное информационное освещение, данные о связях государственных акторов с оппозиционными партиями, давление в виде призывов уйти в отставку;
- 0,4 – информационная атака, очевидное финансирование сил оппозиции со стороны, давление в виде возможных санкций;
- 0,5 – все предыдущие пункты и военное вмешательство.

Используя изложенные выше правила оценки показателей, на основе индекса и аппроксимационной зависимости можно оценить потенциал нестабильности и возможный масштаб событий.

Использование методики для оценки социально-политической нестабильности в странах ЦАР

Изложенная выше методика использовалась для оценки потенциала социальной нестабильности в странах ЦАР. Основой оценки являлся экспертный опрос специалистов-международников и представителей бизнеса, ведущих свои дела в странах ЦАР. В ходе опроса оценивалось состояние различных сфер жизни в странах ЦАР, а также проводилась интегральная оценка показателей I_1 , I_2 , I_3 , I_4 . Результаты данной оценки приведены в Табл. 6 (следует отметить, что в опросе принимало участие небольшое количество респондентов – 12 человек, поэтому говорить о статистической значимости полученных цифр нельзя и следует воспринимать их как предварительные результаты).

Табл. 6. Оценка индекса нестабильности для стран ЦАР

Страна	I_1	I_2	I_3	I_4
Казахстан	2,5	2	4	0,5
Киргизия	4	3,5	5	0,5
Таджикистан	2,5	5	4	0,3
Туркменистан	2	2	3	0,8
Узбекистан	3	5	4	0,5

На основе данных из Табл. 6 и формулы (2) можно оценить значение индекса нестабильности (I_{UNST}) и по формуле (3) – оценить потенциал нестабильности y (величина y соответствует масштабу событий из Табл. 1).

Оценка потенциала нестабильности производится по формуле:

$$y = -0,0002x^2 + 0,0632x - 0,119, \quad (3)$$

где x – I_{UNST} , y – потенциал нестабильности I_{UNST} .

Результаты оценки индекса I_{UNST} и потенциала нестабильности для стран ЦАР приведены в Табл. 7.

Табл. 7. Оценка индекса I_{UNST} и потенциала нестабильности для стран ЦАР

Страна	I_{UNST}	Потенциал нестабильности
Казахстан	15,19	0,79
Киргизия	51,63	2,61
Таджикистан	22,78	1,21
Туркменистан	13,50	0,69
Узбекистан	43,15	2,23

Анализ данных из Табл. 7 показывает, что в настоящее время наибольший потенциал нестабильности характерен для Киргизии и Узбекистана. Относительно невысокий потенциал нестабильности в Таджикистане – следствие наличия иммунитета после гражданской войны в девяностых годах прошлого века.

Таким образом, полученные оценки, несмотря на их приближенный характер, позволяют получить представление об угрозах социально-политической нестабильности в странах ЦАР. Информация о величине индекса нестабильности и о значениях его от-

дельных компонент может помочь оценить существующие политические риски и своевременно предпринять меры по их парированию.

Представленная методика является предварительной и будет в дальнейшем уточняться по мере накопления дополнительного статистического материала.

Библиография

- Акаева Б. А., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013.** (Ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 4. Ч. 2. *Центральная Азия: новые вызовы*. М.: ЛЕНАНД/URSS.
- Бжезинский З. 1998.** *Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы*. М.
- Васильев А. М. 2011.** Цунами революций. *Азия и Африка сегодня* 3: 2–18.
- Гринин Л. Е. 2010.** Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М. С. 195–224.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ/URSS.
- Зинькина Ю. В. 2010.** Тенденции политико-демографической динамики и перспективы сохранения политической нестабильности в странах Ближнего и Среднего Востока и Восточной Африки с точки зрения структурно-демографической теории. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 2. М. С. 141–283.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012а.** *Египетская смута XXI века*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012б.** *Сирия и Йемен: неоконченные революции*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Коротаев А. В. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РОС. С. 1483–1489.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010.** Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень ассоциации «История и Компьютер»* 36: 101–102.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 7: 15–21.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 года: социо-демографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012. (Ред.).** Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 3. *Арабская весна 2011 года*. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013. (Ред.).** Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 4. Ч. 1. *Арабский мир после Арабской весны*. М.: ЛЕНАНД/URSS.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 43–98.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 45–88.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 3 / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ/URSS. С. 28–76.
- Локосов В. В. 1998.** Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития. *Социологические исследования* 4: 86–94.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис (Политические исследования)* 4: 134–162.
- Малков С. Ю., Кузьминова Е. В. 2013.** Методика оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности в странах ЦАР. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 4. Ч. 2. М. С. 382–400.
- Назаретян А. П. 2003.** *Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии*. СПб.: Питер.
- Нефедов С. А. 2008.** *Факторный анализ исторического процесса*. М.: Территория будущего.
- Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2012.** *Моделирование и прогнозирование мировой динамики*. М.: Наука.
- Цирель С. В. 2012.** Революции, волны революций и Арабская весна. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 3 / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ/URSS. С. 128–161.

- Bradley J. R. 2011.** Battle lines. *Spectator.co.uk*. 19.03.2011. URL: http://www.essays/all/6787983/part_1/battle-lines.html.
- Davies J. 1969.** Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* / Ed. by B. McLaughlin. New York: Free Press. Pp. 85–108.
- Goldstone J. A. 1980.** Theories of Revolutions: The Third Generation. *World Politics* 32.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. 2001.** Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science* 4: 139–187.
- Goldstone J., Gurr T., Harff B., Levy M., Marshall M., Bates R., Epstein D., Kahl C., Surko P., Ulfelder J., Unger Jr., Unger A. 2003.** *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC).
- Goodwin J. 2001.** *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Issaev L. M., Korotayev A. V., Malkov S. Yu., Shishkina A. R. 2013.** Toward the Development of Methods of Estimation of the Current State and Forecast of Social Instability: a Quantitative Analysis of the Arab Spring Events. *CEJISS (Central European Journal of International and Security Studies)* 7(4): 247–283.
- Korotayev A. V. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina. New Delhi: Narosa Publishing House. Pp. 113–134.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Yu., Shishkina A. R. 2014.** The Arab Spring: A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *MESOJ* 2(5): 57–95.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 2(2): 276–303.
- Moller H. 1968.** Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10: 238–260.
- Roehner M., Sornette D., Anderen J. V. 2004.** *Response Functions to Critical Shocks in Social Sciences: An Empirical and Numerical Study*. URL: <http://arxiv.org/abs/cond-mat/0402408>.
- Skocpol T. 1979.** *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. New York: Cambridge University Press.